

УДК 316.2

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© 2008 г. П.В. Павлов

*Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

Анализируется теоретическое состояние современного социального знания, раздробленного на ряд различных конкурирующих методологий и парадигм. Обосновывается продуктивность разработки интегральной социальной методологии, адекватно и целостно отражающей изменяющуюся общественную реальность.

The theoretical condition of contemporary social knowledge divided into fragmentary competitive methodologies and paradigms is analyzed. The idea of integral social methodology reflecting the changing social reality is substantiated.

Ключевые слова: *социальное познание, методология, парадигма, общественная реальность, социологичес-*

Проблема социального познания, его специфики, методов, теоретических подходов и парадигм является одной из актуальных и сложнейших в современной научно-теоретической рефлексии. И это не случайно, поскольку относительно (естествознания) молодой возраст социальных наук и одновременно их пестрое многообразие провоцирует ряд нерешенных трудностей, связанных со спецификой этих наук, их собственной методологией и проблемами концептуального единства. Эти трудности отнюдь не носят праздного и отвлеченно-умозрительного характера, поскольку они непосредственно связаны с основной проблемой социального познания — проблемой адекватного, целостного понимания и объяснения изменяющейся общественной действительности.

Несмотря на постмодернистские декларации о невозможности объективного социального знания (по сути губительные для теоретического мышления), задача действительного постижения социально-исторической реальности в ее целостности остается все-таки центральной для социальных наук. В противном случае, по меткому замечанию Е. А. Ядова, институт социального познания «утрачивает свои основные функции и превращается в арену для состязаний в красноречии, в беспредельный дискурс амбициоз-

ных субъектов, озабоченных демонстрацией своего интеллекта»¹.

В настоящее время существует множество различных методологических подходов к проблемам социального знания. Должно ли оно следовать методам точного и строгого естествознания или, напротив, ему следует сосредоточиться на понимании уникальных явлений «чистого» духа, как провозглашается в герменевтике и феноменологии? Какова адекватная методология социального познания? Возможно ли интегрировать наличное многообразие концептуальных подходов к проблемам общественной реальности?

Уже в период становления социально-гуманитарных наук² резко обозначились два противоположных подхода к проблеме познания социальной реальности и, соответственно, к теоретико-методологическому статусу общественных наук. Согласно первому из них, социальное знание должно уподобляться естественным наукам как эталону научности вообще и копировать их методы. В этом состоит суть позитивистского подхода к социальным наукам. Согласно же второму подходу, у

¹ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. — СПб, 2006. — С. 16—17.

² Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. — 2004. — № 3.

истоков которого находится В. Дильтей, гуманитарные науки («науки о духе») обладают своей собственной спецификой: для них характерна методологическая процедура понимания в противовес естественнонаучному объяснению. Различие этих методологических подходов уже четко обнаруживается у двух классиков социологической мысли— Э. Дюркгейма и М. Вебера. Так, согласно Дюркгейму, социология должна изучать объективные «социальные факты» (социальные структуры и институты) методами естественных наук, придерживаясь принципа, согласно которому «социальные факты необходимо рассматривать как вещи»³. Совершенно иной подход у Вебера: предметом «понимающей социологии» являются не коллективные структуры (как у Дюркгейма), а индивидуальные культурно-значимые явления, смыслы социальных действий различных индивидов, а методом— понимание (*Verstehen*) этих смыслов. Однако понимание у Вебера оказывается рациональной процедурой, тесно связанной с объяснением— и в этом заключается сила веберовской методологии. Как пишет Вебер, «понимание в чистом виде имеет место там, где перед нами целерациональное действие», последнее же «может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено*»⁴.

Современная социологическая мысль представлена множеством конкурирующих социальных теорий, которые сложились еще в XX веке. Структурному функционализму, нацеленному в основном на стабильность и упорядоченность общественной системы (Т. Парсонс, Р. Мертон), противостоит конфликтология с ее акцентом на социальные изменения (Р. Дарендорф). Такие «микросоциологические» теории, как символический интеракционизм, феноменологическая социология А. Шюца, этнометодология Г. Гарфинкеля сосредоточены на конкретных взаимодействиях между субъектами, на «мире повседневности» и т. п. Нео-марксизм, представленный, в частности, критической теорией общества Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и ее нынешний лидер— Ю. Хабермас), нацелен на анализ и критику «негативных» тенденций современного капиталистического общества. В настоящее время популярны социоло-

гические теории так называемого постиндустриального или информационного общества.

Иными словами, уже в пределах одной из важнейших социальных наук— социологии— наблюдается ситуация теоретико-методологического плюрализма. Как можно относиться к этой ситуации? «Обилие теоретических подходов— это наше богатство, но не признак «недоразвитости» социологии»,— пишет известный отечественный социолог В. А. Ядов⁵. При этом отмечается, что каждая по отдельности взятая социальная теория является ограниченной и односторонней, «схватывает» лишь определенный срез общественной реальности. «Например, феноменологу, последователю научной школы А. Шюца, в программе которой центральная проблематика— жизненная повседневность (*Everyday Life*), концептуальный аппарат не позволяет исследовать метаморфозы социальных институтов, тогда как структурный функционалист, работающий в логике теории Т. Парсонса, не станет задумываться над вопросом, какие смыслы подразумевают те или иные индивиды в своих суждениях или жестикеляции. Здесь разные парадигмы и содержания социологического знания, и методология исследования»⁶. В этом смысле В. А. Ядов говорит о «полипарадигмальности» в современной социологии.

Сам термин «парадигма», получивший популярность благодаря историку и философу науки постпозитивисту Т. Куну, который применил его прежде всего к естественным наукам, с легкостью закрепился в социальном познании. Сегодня многие исследователи охотно рассуждают о парадигмах в социологии, под которыми понимаются масштабные концептуально-методологические модели объяснения социальной реальности, включающие в себя несколько теорий. Классификаций социологических парадигм (как, впрочем, и этих самых «парадигм») достаточно много. Широко известна, например, классификация социологических парадигм, предложенная Д. Ритцером⁷.

Впрочем, в последнее время в отечественной литературе уже говорят о «метопарадигмах». Так, согласно В. А. Ядову, социологи-

³ Дюркгейм Э. О разделении общественно труда. Метод социологии.— М., 1990.

⁴ Вебер М. Избранные произведения.— М., 1990.— С. 497.

⁵ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций.— СПб., 2006.— С. 86.

⁶ Там же.— С. 9.

⁷ Ритцер Дж. Современные социологические теории.— М., 2002.

ческие «метaparадигмы» следует «привязывать» к определенной научной картине мира, господствующей в ту или иную эпоху. Соответственно этому, считает он, можно выделить классическую метапарадигму (от зарождения социологии в трудах О. Конта— до Т. Парсонса и П. Сорокина), постклассическую или «модерн» (прежде всего концепция «понимающей социологии» М. Вебера с ее акцентом на герменевтику как «методологический принцип интерпретации социальных действий»), постпостклассическую метапарадигму (так называемые «деятельностно-активистская», «диалектическая» теория А. Турена с его «Возвращением к человеку действующему», теория структуризации Э. Гидденса, социология социальных изменений П. Штомпки и др.).

Вместе с тем, обозначенная ситуация теоретико-методологического плюрализма в современном социальном знании, как представляется, отнюдь не отменяет поиск общего поля для конструктивного взаимодействия (и понимания) различных социальных теорий, поскольку такое взаимодействие позволяет приблизиться к целостному (и адекватному) постижению сложной, развивающейся социальной реальности. В этой связи в последнее время наблюдается весьма продуктивная тенденция поиска интегральной теории и методологии исследования изменяющейся общественной действительности. При этом создание интегральной социальной теории считается стратегией «не лишенной амбициозности». Вот как описывает суть этой стратегии В. А. Ядов: «Она состоит в развитии некоторой интегрирующей разнообразные теоретические подходы и внутренне вполне стройной концепции, отвечающей современному динамизму общественных процессов»⁸. К попыткам построения таких интегральных теорий он относит социологические теории П. Бурдьё, Дж. Александера, Э. Гидденса, П. Штомпки, А. Турена и др. современных авторов. И далее добавляет: «Названные ученые пытаются диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические подходы»⁹. Здесь речь идет о попытке совмещения макро- и микроуровней социологического

анализа, структуры и социального изменения, рационального объяснения и герменевтического (феноменологического) понимания и описания общественной реальности.

Вместе с тем, как хорошо известно, «нет ничего нового под солнцем». И ряд, как теперь принято говорить, «эвристических» идей, связанных с поиском целостной («интегральной») методологии исследования социально-исторической действительности, можно обнаружить у К. Маркса и М. Вебера (при всем существенном различии этих мыслителей). В этой связи весьма актуально звучит точка зрения современного социолога И. Валлерстайна, согласно которому Маркс и Вебер «были тонкими мыслителями, и то, что мы сегодня игнорируем многое из сказанного ими— наше большое несчастье»¹⁰. А между тем, конкретно-историческая методология Маркса успешно преодолела односторонние крайности генерализации и индивидуализации, понимания и объяснения, органично объединив историю и логику.

К конкретно-исторической методологии был близок и Вебер (особенно в своих исследованиях истории капитализма, города, религии). Потому-то и неудивительно, что социолог Вебер уделяет особое внимание историческому познанию, логике и методологии истории, считая, что ее понятия («идеальные типы») гораздо ближе к конкретной общественной действительности, чем схемы социологические. Если последние «лишены полноты содержания», то историческое познание всегда конкретнее схватывает индивидуальные, культурно-значимые явления. Но при этом сама история оказывается вовсе не описательной наукой, ей присущи конкретные обобщения. История— это не просто бессистемное описание событий, но, прежде всего, историческое исследование, «логика истории».

И у Маркса, и у Вебера речь идет именно о содержательном единстве теории и истории, об «исторической реконструкции», в которой «идеографические и номотетические элементы соединяются особым образом, что выявляет определенную логику исторического процесса»¹¹. «Исследования Вебера,

⁸ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006. С. 81.

⁹ Там же.

¹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века, - М., 2003. - С. 314.

¹¹ Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. - 2004. - № 3. - С. 41.

посвященные протестантской этике и зарождению духа капитализма,— пишет в этой связи В. С. Степин,— являются примером исторической реконструкции, относящейся к теоретическому осмыслению истории. То же можно сказать о работах К. Маркса, посвященных анализу революционных событий во Франции 1848—1852 и 1871 гг. Результаты соответствующих исследований Маркса, изложенные в его работах «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», представляют собой реконструкции, демонстрирующие в материале исторического описания его теоретическое видение»¹².

Здесь необходимо лишь уточнить, что не только эти работы Маркса демонстрируют нам «теоретическое видение» истории, но и все его творчество (начиная от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и включая, конечно же, «Капитал»). Историчность становится у Маркса универсальным методологическим принципом, который, как верно подметил Д. Лукач в своей «Онтологии общественного бытия», не только относится к научному познанию общественной реальности («общественного бытия»), но, прежде всего, «призван решающим образом влиять на деятельность людей и направлять ее»¹³. Вот поэтому-то Маркс и говорит, что мы «знаем только одну единственную науку, науку истории»¹⁴.

Положение о конкретной историчности социальных форм имеет принципиальное теоретико-методологическое и практически-действенное значение. Оно состоит в том, что никакая форма общества не является извечно данной, незыблемой, поскольку каждая из этих форм оказывается конкретным порождением человеческой деятельности, историческим творчеством людей. Это особенно насущно сегодня, когда некоторые теоретики открыто объявляют о «конце истории». Впрочем, как пронизательно заметил Д. Лукач, каждый идеолог «склонен воспринимать состояние общества, которое, как ему кажется, решает все проблемы, как «конец истории»»¹⁵.

¹² Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. - 2004 - № 3. - С. 41.

¹³ Лукач Д. К онтологии общественного бытия: Прологомены. - М., 1991, - С. 309.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 3. - С. 16.

¹⁵ Лукач Д. К онтологии общественного бытия: Прологомены. - М., 1991. - С. 308.

Всякая общественная форма— это специфическое историческое образование с присущей ему имманентной логикой, порожденной конкретно-историческим способом человеческой деятельности, т. е. конкретной формой отношения человека к объективному миру. Соответственно этому теоретический анализ любой социальности должен быть всякий раз конкретным исследованием специфической, особенной социальной формы. Речь не идет об абстрактно-универсальной схематике, а именно о специфической методологии, порожденной самим предметом. На этом, между прочим, всегда настаивал Маркс вопреки своим вульгарным интерпретаторам, которым, по его собственным словам, «непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы»¹⁶.

Иными словами, по отношению к конкретной социальной форме требуется всегда специальное историко-теоретическое исследование, отражающее эту форму в ее целостности. Соответственно этому, как представляется, «интегральная» методология изучения общественной реальности оказывается имманентной, адекватной этой социальной реальности как динамичной целостности, «вырастает» из нее, а не является навязанной «извне», чуждой, односторонней методологией, гипостазирующей частные моменты, выдавая их за целое.

Литература

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века.— М., 2003.
2. Вебер М. Избранные произведения.— М., 1990.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии.— М., 1990.
4. Лукач Д. К онтологии общественного бытия: Прологомены.— М., 1991.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соб. соч.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории.— М., 2002.
7. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии.— 2004. - № 3.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 19. - С. 120-121.

8. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций.— СПб., 2006.

Павлов Павел Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры «Социология и психология» ЮРГТУ (НПИ).

Область научных исследований — методология социально-гуманитарного познания. Автор монографии: «Методологические концепции научно-теоретического познания в философии XX века» (М.: Лифшиц, 2006).

346428 г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
Тел. раб. (факс) 86352-55-4-96, pvpravlov2006@yandex.ru
